

Несколько времени спустя Цзян Синчжи и Чжун Мин покинули главный зал, направившись вслед за слугой к временному жилищу, устроенному в боковом павильоне одного из тихих двориков, где цветущие ветви жасмина переплетались с резными арками, создавая ощущение уединённого уголка, будто вырезанного из мира шума и суеты. Цзян Синчжи шёл по дорожке, держа в руках хрустальную синюю лампу, ту самую, что стояла на столе у Шан Лусина, словно символ власти и богатства его дома, и теперь, оказавшись в чужих руках, она будто теряла часть своего величия, превращаясь в простое свидетельство договорённости между людьми, играющими в более высокую игру. Его синий халат развеивался на лёгком ветерке, струясь, как дым над водой, а свет, отражённый от гладкой поверхности лампы, играл на его лице, придавая чертам выражение одновременно мягкое и недоступное, будто он был не просто гостем, а предвестником перемен, шагающим сквозь тени прошлого к будущему, которое ещё только предстояло раскрыться.

Чжун Мин шёл рядом, молчаливый, как всегда, но в этот раз его взгляд задержался на Цзян Синчжи дольше обычного, и на мгновение в глазах его мелькнуло то, что трудно было назвать иначе как оцепенение. Он моргнул, и всё исчезло, но внутри осталось странное ощущение: будто он стоит на краю пропасти, а внизу не тьма, а свет, который он боится признать.

— Брат Бай, — обратился к нему Цзян Синчжи, обернувшись с лёгкой улыбкой, — ты не одобряешь мой план? Твой вид говорит больше, чем слова.

Чжун Мин опустил глаза, будто разглядывая узоры на камнях под ногами, и ответил без тени эмоции в голосе:

— Если тебе это по душе, мне достаточно. Что я могу сказать против желания того, кто держит судьбу других в своих руках?

Цзян Синчжи не громко, но с такой искренней радостью рассмеялся, будто услышал не холодную отстранённость, а признание.

— Брат Бай, вы действительно просты в общении, — сказал он, продолжая идти. — С вами можно говорить напрямую, не боясь быть непонятым или осуждённым. Это редкая добродетель в мире, где каждый прячет за улыбкой клинок.

В ответ он получил лишь короткое фырканье, едва слышное, растворившееся в шелесте листьев, и понял, что больше ничего не последует. Они двинулись дальше, их силуэты исчезли за поворотом аллеи, оставив после себя лишь пятна солнечного света, дрожащие на земле, как живые существа, не решавшиеся войти в дом, где уже зрели замыслы, способные изменить ход событий в мире, полном интриг и древней вражды.

Тем временем в главном зале Шан Лусин всё ещё сидел за тем же столом, держа в руках чашку с остывшим чаем, хотя давно перестал его пить. Его взгляд был прикован к тому месту, где только что исчезли двое гостей, и даже когда шаги затихли, а служанки бесшумно убрали подносы, он продолжал смотреть туда, будто пытался увидеть не просто конец коридора, а то, что будет происходить за его пределами в будущем, которое начиналось здесь и сейчас. Только

через долгое время он медленно опустил голову, поставил чашку на стол и сложил руки в рукавах, принимая позу человека, взвешивающего каждое слово, каждый жест, каждую деталь, чтобы не упустить ни единой возможности.

Слуга Чжу Юань стоял рядом, колеблясь, прежде чем заговорить, и когда наконец решился, голос его был тихим, почти робким:

— Глава семьи... эти двое... их уровень культивации невозможно определить. Говорят, что даже среди Великих Золотых Бессмертных есть те, кто скрывается в тени, и я боюсь, что мы имеем дело именно с такими. Кто знает, какие силы скрываются за их спокойными лицами? Разве можно так легко стремиться к союзу с теми, чьи истинные цели остаются для нас тайной?

Шан Лусин с лёгкой горечью усмехнулся, как человек, который слишком долго живёт в мире, где доверие - это роскошь, а каждый жест имеет цену.

— А как мы узнаем, если не попробуем? — спросил он, глядя в окно. — Даже самый глубокий колодец можно исследовать, опустив в него ведро. Не обязательно знать, что на дне, чтобы начать черпать воду.

Он сделал паузу, давая словам осесть.

— Неважно, насколько они сильны, неважно, скрывают ли они своё имя под тысячей масок. Пока у них есть желания, у нас есть точка опоры. А где есть опора, там можно построить мост. И если этот мост приведёт нас к банкету Коу Юэ, где все глаза будут обращены к сиянию новых героев, - тем лучше. Мы не просим стать их друзьями. Мы лишь предлагаем место за одним столом. Остальное - дело времени.

Он замолчал, но в его глазах всплыли детали, которые он запомнил: один из гостей - Цзян Синчжи, оставался загадкой, его намерения были закрыты, как дверь старинного храма, но второй... второй смотрел на своего спутника не как на равного, не как на союзника. Он смотрел так, как смотрят на то, что потеряли. На то, что, возможно, нельзя вернуть. И в этом взгляде была не просто привязанность. Была боль. Глубокая, как пропасть. И Шан Лусин, проживший всю жизнь в торговле сердцами и судьбами, понял одно, что этот человек чего-то хочет, а значит с ним можно договориться.

Пир должен был состояться на следующий день.

Ранним утром летающий артефакт семьи Шан - Лодка Ланью, с достоинством замерла у главного входа особняка. Её прибытие сопровождалось лёгким гулом духовных формаций и мягким мерцанием света, привлекая внимание слуг и прохожих. Секта Коу Юэ назначила банкет на полдень, объяснив, что в это время янская энергия достигает пика, усиливая благоприятные знаки и принося удачу всем участникам события.

Цзян Синчжи поднимался на борт, зевая так, что глаза его наполнились влагой. Он не скрывал раздражения и, обернувшись к Чжун Миню, проворчал:

— Кто только придумал такое объяснение? Звучит так, будто просто добавили лишние церемонии ради важности.

Чжун Мин заметил, как он, всё ещё дремлющий, свернул не туда, и вовремя схватил его за руку, мягко, но уверенно направив обратно.

— В чужом селе - по-чужому жить, — сказал он спокойно.

Расстояние между ними на мгновение сузилось. Его хватка была твёрдой и надёжной. Цзян Синчжи держал в одной руке стеклянную лампу, поэтому не стал вырываться, а позволил себя проводить внутрь каюты без возражений.

Когда Шан Лусин закончил распоряжаться насчёт сопровождающих членов клана, он обернулся и увидел, как двое гостей идут вместе, один ведёт другого, будто тот не может самостоятельно найти путь. На лице Шан Лусина мелькнула едва заметная улыбка.

— Брат Цзян плохо отдохнул?

Цзян Синчжи кивнул:

— Прошлой ночью не удалось выспаться.

Чжун Мин бросил на него короткий взгляд:

— Только прошлой ночью?

Сказано было с лёгкой иронией, будто намекая: ты ведь каждый день просыпаешься в таком состоянии.

Цзян Синчжи: ...

Странно. Откуда он знает?

Он хотел бы так подумать, но в этот момент Шан Лусин бросил на них многозначительный взгляд, затем кашлянул и, словно ничего не произошло, вежливо продолжил:

— Возможно, поможет культивация. Утром будете чувствовать себя гораздо бодрее.

Цзян Синчжи покачал головой:

— Культивация не поможет.

Он уже находился на вершине стадии Махаяны. То, чего ему не хватало для восхождения, - не сила, не техника, а шанс. И когда в прошлый раз он, наконец, посчитал, что нашёл его, оказалось, что это была ложь.

Чжун Мин почувствовал, как внутри что-то сжалось. Его сердце будто опустилось в глубокую воду.

Цзян Синчжи сразу уловил перемену в его состоянии. Эмоции, которые Чжун Мин старался скрыть, просочились сквозь холодную маску и он понял, что тот его понимает.

— И тебе это не помогает? — спросил он тихо.

—

Чжун Мин не ответил. Лишь на мгновение опустил глаза, сдерживая то, что рвалось наружу.

Шан Лусин, почувствовав напряжение, осторожно сменил тему:

— На Лодке Ланью есть отдельные комнаты для отдыха. Брат Цзян может немного вздремнуть перед банкетом.

Цзян Синчжи кивнул:

— Буду благодарен. В конце концов, нужно собраться с силами перед выступлением.

При этих словах и Чжун Мин, и Шан Лусин одновременно замолчали. Оба переглянулись, будто слышали что-то, о чём лучше не говорить вслух. Затем, почти в унисон, начали мягко, но настойчиво уговаривать Цзян Синчжи вернуться в комнату, чтобы отдохнуть, избегая дальнейших разговоров.

Когда Цзян Синчжи проснулся после короткого отдыха, Лодка Ланью уже вступила в пределы города Фу.

Он выглянул из каюты: вокруг проплывали густые облака, сквозь которые проникал свет полуденного солнца. Лодка плавно скользила над городом, направляясь прямо к

величественной горе вдалеке, чьи вершины уходили в небо, словно опора мира. Сквозь туман были заметны другие летающие артефакты, движущиеся со всех сторон - кареты, парящие на энергии формаций, и ученики различных сект, восседающие на белых журавлях, что неторопливо шли по воздушным потокам.

— Мы скоро прибудем к секте Коу Юэ, — подошёл Шан Лусин. — Как отдохнул, брат Цзян?

Цзян Синчжи провёл рукой по поверхности стеклянной лампы:

— Отлично. Готов к своему торжественному появлению.

Шан Лусин: ...

Он слегка напряжённо улыбнулся:

— Понятно... значит, готов.

Пока они говорили, Лодка Ланью медленно снижалась, остановившись у самого входа в горную область секты Коу Юэ.

Цзян Синчжи выпрямился, поправил одежду, взгляд его был направлен мимо ворот, в глубины гор, туда, где сегодня должно было решиться, действительно ли благословенное существо, появившееся в их мире, является Огненным Драконом.

У главных ворот секты ученики принимали гостей один за другим. Каждая делегация возглавлялась лидером секты или главой клана, сначала проходила регистрацию в гостевом павильоне, после чего её провожали внутрь. Представители разных кланов и сект были одеты в разные цвета - кто в белое, кто в синее, кто в ярко-красное, и вместе они создавали впечатление праздника, как будто весь Цзючжоу собрался здесь, чтобы стать свидетелем чего-то великого.

Шан Лусин указал в сторону группы из четырёх крупных групп:

— Там Четыре Великие Бессмертные Секты. Брат Цзян, вы наверняка их все узнаете, так что не буду представлять.

Цзян Синчжи спокойно взглянул туда, чуть кивнул:

— Мм.

На самом деле он никого из них не узнавал, но поскольку его цель сегодня не была связана с

установлением связей между сектами, он не стал уточнять детали. Пройдя вслед за несколькими крупными делегациями через горные ворота, настал черёд семьи Шан представить своё приглашение.

Ученик, регистрировавший гостей, запросил имя и положение каждого. Когда очередь дошла до Цзян Синчжи и Чжун Мина, он замешкался:

— Эти двое мне не знакомы... позвольте узнать, как к вам обращаться?

Цзян Синчжи молча держал в руках хрустальную синюю лампу, сохраняя высокомерное молчание. Чжун Мин стоял позади него, убрав руки за спину, с совершенно ничего не выражающим лицом, давая понять, что он также не собирается ничего объяснять.

Под давлением двух многозначительных взглядов Шан Лусин глубоко вдохнул и, собравшись с духом, произнёс:

— Этот уважаемый старейшина - древний дух, чья душа обитает в этой божественной лампе.

Рука ученика дрогнула. Он едва поверил своим ушам:

—

— Что?

Чтобы поддержать заявление, Цзян Синчжи слегка колебал своей духовной энергией, и его фигура на мгновение стала полупрозрачной.

Видимо, желая придать словам веса, Шан Лусин повысил голос, и тот прозвучал необычайно звонко, как вечерний колокол:

— В день, когда в вашей секте появилось благословенное существо, божественная лампа, передаваемая в нашей семье Шан из поколения в поколение, также засияла. Мы сочли, что два этих события могут быть связаны, откликаясь друг на друга через пространство. Поэтому мы решили принести лампу на банкет сегодня.

Цзян Синчжи продолжал концентрировать энергию. Его тело внезапно озарилось светом, осветив всё пространство у горных ворот.

Ученик сглотнул:

— Глава семьи Шан, дело не в том, что я не верю... просто... эта ваша божественная

лампа...выглядит слишком новой.

Если он не ошибался, даже узор на абажуре был выполнен в модной технике сквозной резьбы, распространённой в последние годы.

Брови Шан Лусина нахмурились:

— Ты не веришь?

— Я, конечно...

— Неважно, — прервал его Цзян Синчжи, заговорив с ленивой интонацией, в голосе которого послышалось странное эхо, будто слова доносились издалека: — Молодость всегда невежественна.

С этими словами он закрыл глаза. Его тело стало прозрачным, постепенно теряя плотность. И под общим потрясённым и испуганным взглядом всех присутствующих он превратился в парящий «дух» и медленно вошёл внутрь хрустальной синей лампы.

Лампа повисла в воздухе, слегка покачиваясь, потом мягко опустилась — тук — прямо в раскрытые ладони.

Чжун Мин молча принял её, лицо его оставалось бесстрастным, а глаза спокойными, как поверхность озера без ветра.

У главных ворот воцарилась полная тишина.

Ученик, регистрировавший гостей, растерялся:

— Э-это... правда древний дух?!

Иначе как объяснить, что живой человек превратился в душу?

Он поспешно сложил ладони и почтительно поклонился самой лампе, затем перевёл взгляд на Чжун Мина, который теперь держал этот «священный сосуд»:

— А кто же тогда этот уважаемый старейшина?

Шан Лусин взглянул на мрачное лицо Чжун Мина и на этот раз даже не рискнул ответить.

Лампа в руке Чжун Мина слегка вспыхнула, будто дух внутри требовал ответа. Прошло несколько долгих мгновений. Наконец, тонкие губы Чжун Мина дважды дрогнули, и он произнёс всего два слова:

— Хранитель лампы.

Ученик: ...

Все: ...

Шан Лусин: ...

Если это не любовь ... тогда что?

Этот неожиданный, потрясающий трюк полностью ошеломил всех присутствующих. Ученики секты Коу Юэ поспешно провели делегацию семьи Шан внутрь, а несколько молодых адептов уже помчались вглубь секты, чтобы разнести новость.

Не прошло и времени за которое можно было бы выпить и половину чашки чая , как вся секта Коу Юэ уже знала, что семья Шан привезла божественную лампу, способную откликаться на появление их благословенного существа.

Период между концом лета и началом осени окутал секту Коу Юэ мягким, тёплым светом, солнце лежало на каменных плитах пути к банкетному залу, листва была густой и сочной, цветы распустились повсюду, будто сама природа праздновала это событие.

Цзян Синчжи, чья душа теперь «обитала» внутри хрустальной синей лампы, с удовольствием воспринимал своё положение. Лампа покоилась в ладони Чжун Мина, и он чувствовал тепло его кожи сквозь стекло. От этих рук шло не просто ощущение поддержки, а странное ощущение защищённости. Периодически излучая слабое свечение, чтобы поддерживать образ «древнего духа», он через передачу голоса мысленно обратился к тому:

— Видишь? Мы вошли честно, по правилам. Никакого обмана.

Чжун Мин бросил взгляд на лампу, словно мог видеть сквозь неё:

— Хотел бы я увидеть эту часть про «честно». На мой взгляд сплошная ложь.

Цзян Синчжи намеренно проигнорировал намёк, продолжая мысленно строить план:

— Теперь у нас есть полное основание приблизиться к благословенному существу. Достаточно дождаться начала банкета и мы сможем расследовать его истинную природу... Ай! Щекотно, не трогай.

<http://bllate.org/book/15487/1373247>